

Денис ВОЛКОВ

ПРОТЕСТНЫЕ МИТИНГИ В РОССИИ КОНЦА 2011 — НАЧАЛА 2012 гг.:

запрос на демократизацию политических институтов

На следующий день после выборов в российский парламент, состоявшихся 4 декабря 2011 года, в Москве и ряде крупных городов страны произошли митинги против фальсификаций результатов голосования в пользу партии власти. Очень быстро численность участников протестных акций выросла до десятков тысяч человек, превысив уже к концу декабря, по подсчетам организаторов, цифру в сто тысяч — акции такого масштаба в столице не видели на протяжении двух десятилетий. Довольно скоро требования пересчета голосов и отставки главы центральной избирательной комиссии сменились требованиями перевыборов и отставки Владимира Путина. Не затихая, протестные мероприятия продолжались всю зиму и весну. Последняя многочисленная акция на момент выхода статьи — шествие и митинг на проспекте Сахарова 12 июня 2012 — собрала не меньшее число участников, чем акции в декабре. Также отметим, что параллельно митингам, организованным оппозицией, прошли несколько массовых акций противников перемен: многотысячный «антиоранжевый митинг», шествие сторонников Путина и митинг-концерт в Лужниках с участием премьера (и кандидата в президенты) в феврале, а также «стояние» у храма Христа Спасителя в поддержку церкви и патриарха, подвергшихся «гонениям».

Данная статья представляет собой попытку ответить на ряд вопросов. Во-первых, почему протесты произошли после выборов, или почему проведение российских выборов прежде не вызывало возмущений? Как представляется, для ответа на этот вопрос необходимо понять, что нового принесла прошедшая избирательная кампания по сравнению с предыдущими: президентскими и парламентскими выборами в 2007 и 2008 годах и выборами в Мосгордуму в 2009 году. Во-вторых, почему акции имели мирный, гражданский характер, хотя еще недавно многим исследователям казалось «маловероят-

ным», что социально-политический протест в России может войти «в русло гражданской солидарности и гражданского творчества»¹ или что «экстраординарные по своему характеру массовые организованные движения протеста оказываются возможными только как... явления «редукции сложности», возвращения к более примитивным социальным формам»². В этих целях, протестные акции последнего полугодия сравниваются в статье с российскими протестами последних 5-7 лет. В-третьих, чтобы понять, почему митинги и шествия продолжались так долго, подробно будут рассмотрены: логика развития событий, основные действующие силы и репертуар игроков.

Эмпирический материал статьи составляют различные количественные репрезентативные опросы Левада-Центра и материалы двух крупных качественных исследований, проведенных Центром в 2010-2012 годах³.

Портрет российского протестующего. Исходя из желания представить вначале исходные данные нашего анализа, рассмотрим здесь социальный портрет участников митингов и шествий. Для этого мы располагаем двумя основными источниками информации: (1) состав органи-

¹ Паин Э. На смену Николаю II должен прийти Кеннеди // Новая Газета от 25 января 2011.

² Гудков Л. Инерция пассивной адаптации // Pro et Contra, 2011 январь-апрель, с. 38. Отчасти публикуемая мною статья является отложенным продолжением полемики, завязавшейся на конференции Левада-Центра в январе 2011 года между указанными уважаемыми исследователями и автором.

³ Использованы следующие исследования Левада-Центра последних лет: регулярные инициативные всероссийские опросы, опросы москвичей, опросы на митингах 24 декабря 2011 г. (по заказу организаторов мероприятия) и 4 февраля 2012 г. (по заказу Новой газеты), а также материалы углубленных интервью с руководителями российских НКО, лидерами неформальных гражданских инициатив, организаторами и участниками московских протестных митингов, проведенных в рамках качественных исследований «Перспективы гражданского общества» и «Перспективы общественного движения» в 2010-2011 и 2012 годах при поддержке фонда National Endowment for Democracy.

заторов, участников Оргкомитета и других координирующих объединений, выступающих со сцены и материалы интервью с некоторыми из них, (2) колонны политических и гражданских объединений со своими флагами и транспарантами (3) результаты опросов на митингах — для характеристики рядовых участников¹.

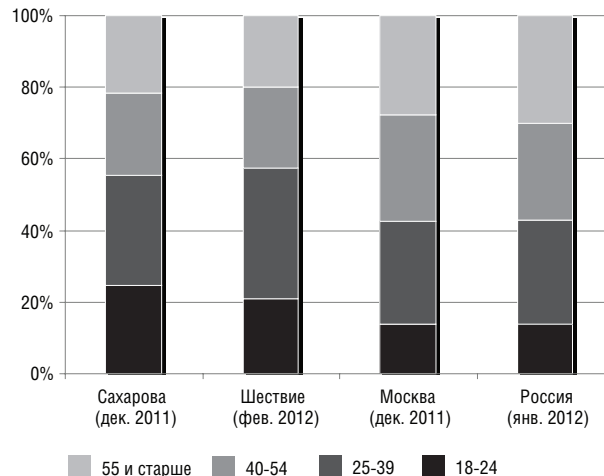
Анализ состава организаторов и выступающих позволяет сказать, что в подготовке протестных мероприятий участвовали (а) оппозиционные политики, прежде всего несистемные (Борис Немцов, Владимир Рыжков, Гарри Каспаров, Михаил Касьянов, Григорий Явлинский, Сергей Удальцов, Геннадий и Дмитрий Гудковы, Илья Пономарев, Илья Яшин, и др.), (б) гражданские активисты (Алексей Навальный, Евгения Чирикова, Елизавета Глинка, Татьяна Лазарева, Дмитрий Орешкин и др.) и (в) представители творческих профессий: журналисты, поэты, писатели, музыканты (Виктор Шендерович, Сергей Пархоменко, Ольга Романова, Леонид Парфенов, Юрий Шевчук, Борис Акунин, Дмитрий Быков, Артемий Троицкий и др.).

Отметим, что во время шествий формировались различные колонны, объединявшие участников шествия в зависимости от их политических пристрастий (колонны различных партий, политиков, движений, в т.ч. националистов, анархистов и проч.), идентичности (ЛГБТ), гражданской позиции (научно-образовательная, в поддержку Pussy Riot и проч.).

Что касается состава рядовых участников, то на митинге на Чистых Прудах, да и на Болотной площади 10 декабря, по общему убеждению, преобладала молодежь. (Рис. 1) Однако на акциях 24 декабря на проспекте Сахарова и 4 февраля во время шествия по Якиманке и второго митинга Болотной площади, согласно опросам Левада-Центра, большинство составили люди среднего возраста. Самые молодые (18-24 лет) насчитывали около одной пятой собравшихся, как старшая возрастная группа (55 лет и более). Среди митингующих люди с высшим образованием составляли около 80% (в среднем по стране — менее трети), среди них было больше мужчин (до 65%), тогда как большинство населения страны — женщины.

¹ Цитируется опрос участников митинга на проспекте Сахарова в Москве 24 декабря 2011 года, проведен по заказу оргкомитета митинга «За честные выборы» среди 791 человека, погрешность 4,8%. <http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrja> и опрос участников шествия по Якиманке и митинга на Болотной площади 4 февраля 2012 года проведен по заказу «Новой газеты» среди 1346 чел., погрешность 5,2%. <http://www.levada.ru/13-02-2012/opros-na-mitinge-4-fevralja>

Рисунок 1
ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ МИТИНГА В СРАВНЕНИИ С ВОЗРАСТНЫМ СОСТАВОМ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ И РОССИИ

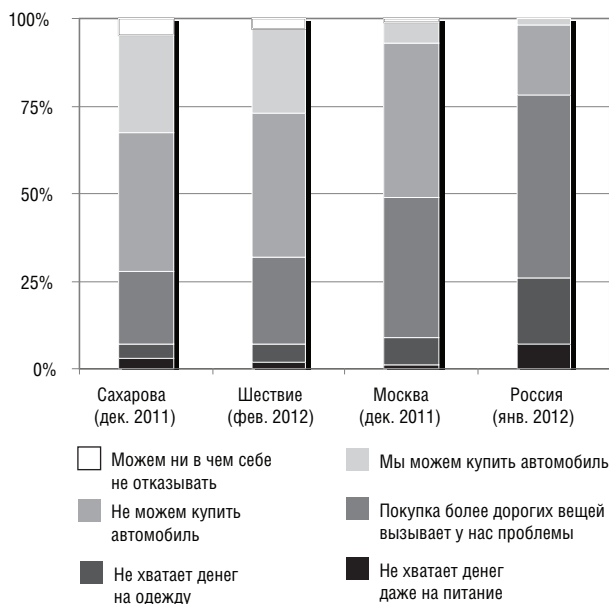

Подробнее рассмотрим материальное положение участников указанных митингов. (Рис 2) Преобладающей группой на обеих акциях были те, кто «может позволить себе дорогие вещи, но покупка автомобиля вызывает у них затруднение» (40% в декабре и 41% в феврале). Около четверти протестующих (28% в декабре и 24% в феврале) были в состоянии купить автомобиль, 5% и 3% составляли те, кто «ни в чем себе не отказывает». В сумме эти три группы составляли 78% участников митинга на Сахарова и 68% участников шествия. Для сравнения в Москве они составляют около половины населения (50-51%), в России — лишь около одной пятой (22%). Три наименее обеспеченные группы (те, кому «не хватает денег на продукты», «денег хватает на продукты, но покупка одежды вызывает затруднения» и «денег хватает на продукты и одежду») составляли в сумме 28% митингующих в декабре и 32% — в феврале. Отметим, что в столице людей этого уровня достатка насчитывается порядка половины (49%), а в масштабах всей страны это большинство населения (79%). Изнутри и с точки зрения москвичей ситуация выглядела так, что на митинг вышли «все»² или «очень разные люди»³ (в том числе потому, толпа была чрезвычайно пестрой, были разные флаги, лозунги, требования, костюмы, одежда), но для среднего россиянина, наблюдавшего акции по телевизору, происходящее должно было выглядеть как мероприятие «богатеньких».

² Левинсон А. Наше «мы»: Это не средний класс — это все // Ведомости от 21 февраля 2012.

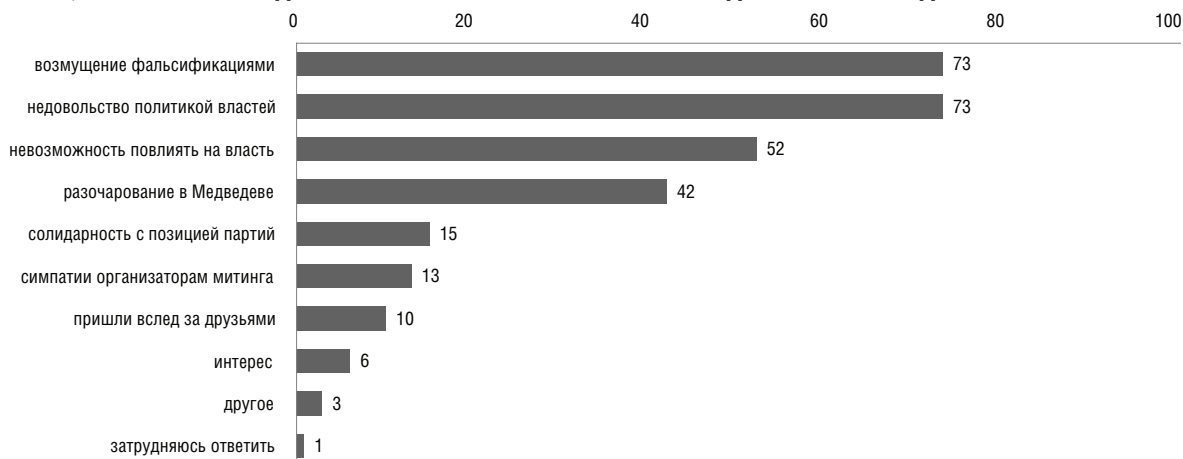
³ Дубин Б. О безальтернативности и альтернативах. Опыт последних месяцев в социальной истории России // Гефтер.ру от 25 июня 2012 (<http://gefter.ru/archive/5100>).

Рисунок 2
**МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ МИТИНГОВ
 В СРАВНЕНИИ С МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ НА-
 СЕЛЕНИЯ МОСКВЫ И РОССИИ**

Главным источником информации о митингах для протестующих были интернет (около 70%), друзья и знакомые (около трети), радио (около четверти) и только потом телевидение

Рисунок 3
ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ ЛЮДИ ПРИШЛИ НА ПРОСПЕКТ САХАРОВА 24 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА

(17-18%) и газеты (15-18%) — несмотря на то, что к тому времени телевизионные каналы уже частично начали освещать протестную активность. Большинство населения, напротив, узнает о происходящем прежде всего по ТВ (81%), по интернету около 13%, из остальных источников — и того меньше. Да и в самом интернете сторонники протестных действий не составляли большинства: готовых выйти на акции протеста было среди интернет-пользователей столько же, сколько среди всего населения в целом (около

13-14% в декабре и 8-9% в марте), а структура поддержки интернет-пользователями политических партий перед выборами в Думу была сходна со структурой политических предпочтений населения в целом¹.

На рассматриваемых митингах преобладали те, кто аттестовал себя как «демократов» (38% в декабре и 30% в феврале) и «либералов» (31% и 27%). Следующими по численности были «коммунисты» (13% и 18%), «националисты» (6% и 14%) и «социал-демократы» (по 10%). При этом о солидарности с оппозиционными партиями акции как о мотиве своего участия в митинге на проспекте Сахарова говорили лишь 15% респондентов, о симпатиях организаторам митинга — 13%. Среди главных причин, которые привели людей на протестную акцию, стали «недовольство положением дел в стране» (73%), «возмущение фальсификацией выборов» (73%), недовольство тем, что «решения в стране принимаются без их участия» (52%), и разочарование в Медведевской модернизации (42%). См. рисунок 3.

Можно предположить, — и отчасти это подтверждается на сериях фокус-групп и глубинных интервью с участниками митингов² — что предшествующие митингам события мобилизовали

¹ Например, согласно общероссийскому опросу Левада-Центра, проведенному в ноябре 2011 года, за «Единую Россию» готовы были голосовать 34% всех респондентов и 34% интернет-пользователей, за КПРФ — 4% и 9% соответственно, за ЛДПР — 10% и 11%, за «Справедливую Россию» — 7% и 8%, «Яблоко» — 1% и 2%, «Правое дело» — по 1%, партию «Патриоты России» — 1% и 0%. Также об особенностях поддержки партий в интернете см., например: Волков Д. Интернет и политическая ангажированность в России (по данным массовых опросов) // Вестник общественного мнения, 2010, № 4(106).

² Имеется в виду интервью и фокус-группы, проведенные Левада-Центром в рамках проекта «Перспективы гражданского движения в России» при поддержке National Endowment for Democracy.

значительное число людей, которые задумались о политике впервые и еще только начинают разбираться в происходящем. Автоматически записывать их в лагерь оппозиции, вменять им ценности и установки организаторов было бы неправильно. Например, не менее трети респондентов-участников митинга на проспекте Сахарова, заявивших о своем голосовании за «Яблоко» на парламентских выборах, в условиях равного доступа к выборам для всех политических сил выбрали бы другую партию¹. При этом наибольшим доверием среди участников пользовались не профессиональные политики, а журналист, гражданский активист, писатель и музыкант: Леонид Парфенов, Алексей Навальный, Борис Акунин и Юрий Шевчук.

Требования, которые звучали со сцены, участники митинга на проспекте Сахарова поддержали практически единодушно, чего нельзя сказать в отношении населения России в целом. Так отставку главы ЦИК Чурова готовы были поддержать 97% участников шествия и только 39% россиян, освобождение политических заключенных — 84% и 35% соответственно, проведение новых парламентских выборов — 95% и 29%, лозунг «Ни одного голоса Владимиру Путину!» — 89% и 24%.

Как видно из представленных данных, протестующие сильно отличались от большинства российского населения: по своей активности, образованию, характеру коммуникаций и вклю-

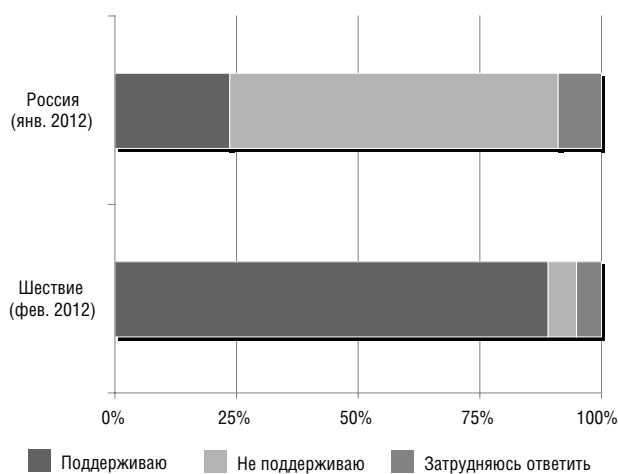
ченности в различные коммуникативные сети, благосостоянию, политическим пристрастиям. Даже в столице (что уж говорить о стране) они составляли, по выражению Бориса Дубина, «меньшинство меньшинства»².

Сравнение с предыдущими избирательными кампаниями. Перейдем к анализу причин, собравших на протестные акции описанную публику. Результаты многолетнего мониторинга российских выборов показывают, что прошедшую предвыборную кампанию отличало нарастающее чувство *неопределенности*, вызванное экономическим кризисом, отсутствие привычного для периода предвыборной мобилизации *организованного консенсуса* (состояние общественных настроений, для которого характерны «подъем общественных надежд на улучшение жизни, повышение жизненного уровня, рост оптимизма» и проч.), *падение рейтингов* партии власти и первых лиц на протяжении всего 2011 года, *неудачная избирательная кампания* «Единой России», которая не смогла мобилизовать своих сторонников (после кратковременного увеличения их числа в сентябре-октябре, к ноябрю количество сторонников партии вновь опустилось до 34% населения)³. Ощущение экономической стабильности — основное достижение «тучных лет» путинского правления и главный козырь, который использовала власть на выборах в 2007-2008 годах, — исчезло.

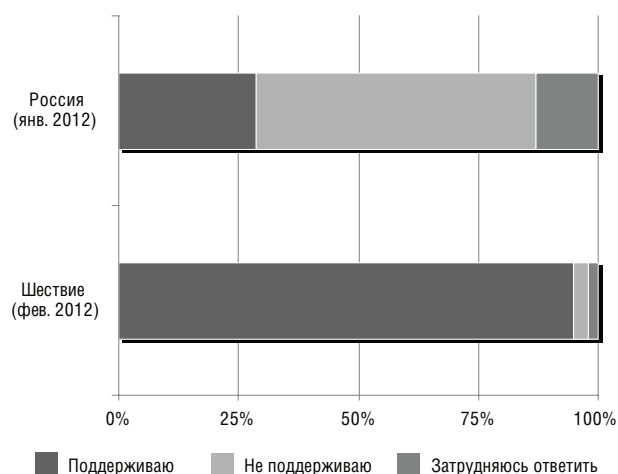
Рисунок 4

РАЗЛИЧИЯ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ ШЕСТВИЯ И МИТИНГА НА БОЛОТНОЙ 4 ФЕВРАЛЯ 2012 ГОДА И НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ К ЛОЗУНГУ «НИ ОДНОГО ГОЛОСА ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ» И К НАЗНАЧЕНИЮ НОВЫХ ВЫБОРОВ.

«Ни одного голоса Владимиру Путину»

Новые выборы

¹ 38% опрошенных заявили о том, что проголосовали за «Яблоко», но только 24% выбрали бы эту партию, если бы «все оппозиционные партии и движения получили бы возможность участвовать в выборах в Государственную Думу».

² Дубин Б. О безальтернативности...

³ Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения, 2012, № 1(111). С. 10-11, 18.

Вместе с тем, выросло *беспокойство и чувство незащищенности*, охватывая как широкие (относительно бедные) слои населения, так и находившиеся в привилегированном положении обеспеченные слои, столичных жителей. Все единодушно сетовали на произвол властей и милиции, невозможность защитить свои права в суде, невозможность повлиять на положение дел в стране. И если для большинства населения, ограниченного в ресурсах и наборе жизненных стратегий, а потому привыкшего к постоянной адаптации, характерно состояние постоянной неудовлетворенности и рассеянного недовольства, то у меньшинства, находящегося в лучшем положении, разрыв между материальным благополучием, высокими запросами и практически полным отсутствием политического влияния может рождать агрессию, толкать их от пассивного недовольства к активному неприятию положения вещей. Характерно, что убийство Приморскими партизанами нескольких сотрудников милиции летом 2010 года вызвали «сочувствие» и «одобрение» именно у москвичей и обеспеченных слоев населения (в 2-3 раза выше, чем в среднем по стране). Таким образом, опросы общественного мнения фиксировали *высокий уровень общественного напряжения* уже тогда. Вопрос был в том, «как будут развиваться события: по типу мирной гражданской акции «войны с мигалками» или по приморскому варианту»¹. Последующие беспорядки на Манежной площади и гражданские протесты зимы 2011/2012 годов показали, что вполне возможны оба варианта.

Одновременно нарастал общий *кризис легитимности* государственных институтов. Желание любой ценой удержаться у власти, регулярное использование в этих целях административного ресурса (не обязательно прямых фальсификаций) от выборов к выборам

¹ Так, большинство россиян признавали неудовлетворительное положение дел в правоохранительных органах (по ряду предыдущих опросов от 60 до 70% россиян были согласны, что можно говорить о полном распаде и разложении российской милиции, которое уже невозможно скрыть), но не принимали убийства как способ борьбы с происходящим. Большинство, но далеко не все. В целом по стране сочувствие приморским стрелкам выражали 22%, одобрение – 3% респондентов. В отдельных слоях российского общества симпатии были еще сильнее: до 42% наиболее обеспеченных россиян (которые «способны приобрести дорогие вещи, товары длительного пользования») и 46% москвичей говорили о сочувствии, еще 10% москвичей – одобрении. При этом взрослые самостоятельные люди выражали большую агрессию по сравнению с молодыми (до 25 лет) и представителями старшего поколения; см.: Волков Д. Нападения на милиционеров в Приморье: комментарий // Публикация на сайте Левада-Центра от 30 июня 2010 года (<http://www.levada.ru/30-06-2010/napadeniya-na-militsionerov-v-primore-kommentarii>).

в республиках Северного Кавказа, Москве и по всей стране в долгосрочной перспективе подтачивали доверие к институту выборов и основание всей политической системы в целом. Уже в августе 2011 года большинство опрошенных ожидали «клеветы», «махинаций с бюллетенями» в ходе избирательной кампании, а 57% считали, что все манипуляции будут производиться в пользу партии власти.

Предвыборная кампания 2011 года была отмечена скандалами с самого начала. В мае с поста председателя Совета Федерации был снят лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов, а прохождение самой партии в парламент оставалось под вопросом. Все это сопровождалось публикациями в прессе с историями об участии Кремля в создании партии. Скандал получил своеобразное продолжение летом. Для того чтобы назначить на освободившийся пост Валентину Матвиенко, были проведены довыборы в муниципалитеты Санкт-Петербурга, на которых политик получила более 95% голосов. Выборы проходили с откровенными нарушениями и злоупотреблениями административным ресурсом, что широко обсуждалось в независимой прессе. В сентябре разразился скандал с отстранением Михаила Прохорова с поста председателя партии «Правое Дело» спустя лишь два с половиной месяца после его «избрания»².

Публичный отказ Медведева от участия в президентских выборах в пользу Владимира Путина, объявленный на съезде «Единой России» 24 сентября 2011, так называемая «рокировка», оскорбил и подорвал надежды на перемены у тех, у кого они были. С открытым осуждением такого шага выступила часть российской элиты³. А через день из-за разногласий и после публичной перепалки с президентом был отправлен в отставку с поста министра финансов Алексей Кудрин.

«*Рокировка*» заслуживает того, чтобы остановиться на этом событии подробнее. С самого начала, нежелание Владимира Путина идти на третий президентский срок в 2008 году породило надежды на эволюционную трансформацию российской политической системы⁴. Весь

² О приходе Прохорова в «Правое дело» см., например, рассказ Л. Гозмана в радиопередаче «Крах правых и гражданское общество офф-лайн» // Азбука перемен с Ириной Ясиной, эфир от 21 сентября 2011 года (<http://ria.ru/videocolumns/20110921/441083969.html>)

³ См., например, достаточно резкую статью Михаила Дмитриева: *Дмитриев М.* Вошли в стадию саморазрушения // Ведомости от 20 октября 2011 (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1397603/kradenoe_solnce).

⁴ *Фурман Д.* Хороший сценарий // Независимая газета от 5 апреля 2010 (http://www.ng.ru/ideas/2010-04-05/9_2018.html).

срок президентства Медведева сопровождался постоянными поисками раскола элит (например, смотри публикации журнала «New Times» за соответствующий период), звучали призывы дружить с президентом против премьера¹. Часть российской элиты, объединившейся вокруг ИНСОРа, Президентского совета по правам человека, проекта подготовки Стратегии 2020 и проч., пытались закрепить новый статус-кво, в котором у них было бы влияние на формирование государственной политики. Любые сомнения в самостоятельности Медведева, в том, что эволюция авторитарного путинского режима возможна, встречали гневную отповедь «модернизаторов» и их союзников². И если для 42% рядовых участников митинга на проспекте Сахарова, не вовлеченных в политику, «рокировка» могла стать неожиданным разочарованием, неожиданно «открыла глаза» на происходящее, то для представителей элиты, делавших ставку на Медведева, она стала поражением их стратегии, необходимостью признать свою ошибку и правоту их критиков. В этой ситуации *любой результат выборов, означающий победу кандидатов от власти, становился для них автоматически неприемлем (как и результаты социологических опросов, указывающие на вероятность такого исхода событий)*³. Для большинства населения, напротив, рокировка означала конец неопределенности: сразу после того, как было объявлено о решении Путина идти на выборы, его президентский рейтинг (готовность избирателей поддержать его кандидатуру) вырос с 27% в сентябре до 37% в октябре (согласно открытому вопросу, в расчете от всего населения страны) и в ходе предвыборной гонки менялся уже незначительно⁴.

¹ Чудакова М. Выступление на Пятых Ходорковских чтениях 8 декабря 2009 года // <http://www.civitas.ru/docs.php?part=95&code=110>

² См., например: Lieven A. Russia's Limousine Liberals // National Interest, June 10, 2009 (<http://nationalinterest.org/article/russias-limousine-liberals-3140>)

³ См., например, высказывание Евгении Альбац: «Данные независимых опросов, которые проходили в Интернете, показывают, что никакого шанса у Владимира Путина по данным интернет-опросов в первом туре избраться, собственно, нет. Три большие социологические службы, они, с моей точки зрения, исключительно работают на воображаемую реальность, исключительно для того, чтобы убедить людей в том, что никакой альтернативы нет. А вот Интернет отвечает так: опрос в сети „В контакте“: 500 тысяч человек (нет случайной выборки, понятны изъяны опроса), у Путина 25,8%». Цитируется по аудиозаписи, так как в стенограмме передачи на сайте «Эха Москвы» эта фраза не значится: «Полный Альбац. Если Путин проиграл – что дальше?» // Эфир 27 февраля 2012 года (<http://www.moskva.fm/share/4015/20120227/fromtime:22:14:39>).

⁴ Методология анализа электоральных установок избирателей. <http://www.levada.ru/31-01-2012/metodologiya-analiza-elektoralnykh-ustanovok-izbiratelei> от 31 января 2012

Несколько резонансных событий произошло в последние две недели перед днем голосования, как раз когда часть протестного электората обычно определяется с выбором: 20 ноября Владимир Путин «впервые за свою политическую карьеру был освистан на публике» на стадионе «Олимпийский»⁵. Через несколько дней телеканал НТВ начал травлю ассоциации «Голос», занимавшейся мониторингом выборов по всей стране. В результате, тема наблюдения за выборами оказалась в центре общественного внимания. Тогда же произошли привлекшие внимание читающей публики отставки журналистов Газета.ру и РИА «Новости» из-за разногласий с редакциями по поводу освещения избирательной кампании. В конце концов, эти и другие события, мало интересные для населения страны в целом, но оказавшиеся значимыми для пишущей и читающей публики в крупных городах, переполнили чашу терпения, и стратегия, которую уже некоторое время пропагандировал Алексей Навальный – голосовать «за любую другую партию», кроме «Единой России» (в его формулировке «против партии жуликов и воров»), возымела успех, волна протеста уже начала подниматься.

Протестное голосование состоялось, и системные оппозиционные партии увеличили свое представительство в Думе по сравнению с прошлым созывом: КПРФ – с 57 до 92 мест, «Справедливая Россия» – с 38 до 62 мест, ЛДПР – с 40 до 56 мест. При этом «Единая Россия» потеряла 77 мест в парламенте (их число сократилось с 315 до 238). Следует особо отметить достижение «Справедливой России», и не только потому, что партия заняла третье место по количеству поданных за нее голосов, хотя за несколько месяцев до выборов не было уверенности, что она сможет преодолеть 7% барьер. Важно, что результаты голосования спровоцировали внутрипартийные споры (вероятно, почва для этого была уже отчасти подготовлена предвыборными скандалами и гонениями на Миронова). В итоге часть депутатов, лидерами которых стали Геннадий и Дмитрий Гудковы, Илья Пономарев, понимая, что многие избиратели отдали им свой голос из чувства протеста, попытались «оседлать протестную волну» и участвовали в массовых акциях «За честные выборы», вошли в Оргкомитет митингов, активно поддерживали Олега Шеина в Астрахани (в результате серии компромиссов в итоге он

⁵ Винокурова Е. Путина приветственно освистали // Газета.ру 21 ноября 2011 (http://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/11/21_a_3841382.shtml).

стал депутатом Госдумы от «Справедливой России»), пытались противостоять принятию нового закона о митингах и вновь сделать парламент «местом для дискуссий».¹ Вряд ли кто-то мог заранее ожидать такого развития событий. Ни одна другая оппозиционная партия, улучшившая на выборах свой результат (в том числе и «Яблоко», по официальным данным преодолевшее 3% барьер), не внесла сопоставимого вклада в дальнейшее развитие протестного движения.

Наблюдение и фальсификации. Нарушения на выборах не должны были стать неожиданностью. Большинство населения заранее было уверено, что выборы пройдут «грязно». В 2009 году выборы в Мосгордуму прошли со значительными злоупотреблениями², однако это не вызвало серьезного общественного резонанса. Кроме того, данные социологических опросов скорее свидетельствуют о том, что фальсификаций на думских выборах было не многим больше обычного³. Однако предвыборные скандалы привлекли внимание и обеспечили симпатии общественности к организациям наблюдателей, прежде всего к ассоциации «Голос», ее поддержали другие некоммерческие организации, независимая пресса. Ролик в сети youtube со ставшей знаменитой фразой в адрес НТВ «Вы – сурковская пропаганда» собрал несколько сотен тысяч просмотров. К тому времени эта организация действовала уже 11 лет, координируя работу своих партнеров в 40 регионах страны. К выборам в Думу была впервые запущена интерактивная «Карта нарушений», позволяющая агрегировать и визуализировать сообщения о нарушениях на выборах от рядовых граждан. В декабре на карте были опубликованы около 7800 сообщений о нарушениях⁴.

¹ Характерно, что сопоставимый успех Михаила Прохорова на президентских выборах не имел таких последствий для развития гражданского протеста, как представительство в Думе «Справедливой России».

² См. «Мониторинг электоральных предпочтений на выборах 2009 года в Московскую городскую Думу» // <http://www.levada.ru/books/monitoring-elektoralnykh-predpochtenii-na-vyborakh-2009-goda-v-moskovskuyu-gorodskuyu-dumu>.

³ См.: *Гудков Л.* На зеркало неча пенять, коли рожа крива // Вестник общественного мнения, №1(111), 2012. С. 109; то же самое в итоге признает Дм. Орешкин: *Орешкин Д.* Московское брожение // Огонек №24, 18 июня 2012.

⁴ Первоначально «карта» располагалась на сайте Gazeta.ru, именно из-за желания руководства информационного издания убрать «карту», произошла отставка заместителя главного редактора газеты. Подробнее об истории проекта см.: *МалOVERьян Ю.* «Голос» снова запускает «Карту нарушений» на выборах // Русская служба BBC от 25 января 2012 (http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/01/120125_golos_president_karta.shtml).

Кроме того, в Москве образовалась инициативная группа «Гражданин-Наблюдатель» (несколько сотен человек), объединившая социологов и активистов, намеренных участвовать в мониторинге выборов. На волне общего раздражения к кампании подключились независимые информационные издания (Новая Газета, Коммерсант и др.), принимавшие сообщения о нарушениях и моментально публиковавшие их на своих сайтах, частично дублируя работу карты наблюдений, которая (как и сайты самих изданий) подвергались постоянным хакерским атакам. Сотни фактов нарушений – описания происходящего на участках, фото и видео отчеты – публиковались наблюдателями в социальных сетях и моментально расходились среди их друзей и знакомых. Совместные действия активистов и журналистов позволили не только зафиксировать, но и предъявить факты нарушений разгоряченной публике. Согласно опросам общественного мнения, недовольные и активные россияне были готовы отстаивать свою точку зрения публично (в разговорах с друзьями и коллегами, с незнакомыми на улице и в транспорте, в интернете) в несколько раз чаще, чем сторонники партии власти. Это создало обманчивое впечатление, что мнение первых преобладает.

Предвыборная ситуация в 2011 году (и в этом ее основное отличие от предыдущих электоральных кампаний) сложилась таким образом, что активная часть населения крупных городов, прежде всего москвичей, с самого начала не готова была принять результаты голосования. Недовольство, усиленное предвыборными скандалами и общей ситуацией неопределенности, нашло выход сначала в протестном голосовании, повышенном внимании к голосованию и работе наблюдателей, а затем уже в массовых протестах, первый из которых состоялся на следующий день после выборов – 5 декабря 2011 года в Москве на Чистых Прудах. Новостью стали не сами фальсификации, а реакция на ситуацию активной части общества, меньшинства.

При этом недовольство выразилось в конкретных формах коллективного организованного политического действия, которое – неожиданно как для самих активистов, так и для растерявшейся власти – оказалось настолько успешным, что повлияло на общественное мнение относительно результатов парламентских выборов, задало оценку политики властей. Работа наблюдателей стала одной из наиболее успешных общероссийских общественных кампаний последнего времени, к которой в итоге

присоединилось значительное количество жителей крупных городов при поддержке и сочувствии более широких слоев населения.

Мобилизация участников митингов. Первый митинг, положивший начало массовым уличным акциям, состоялся 5 декабря 2011 г. в Москве на Чистых Прудах и собрал несколько тысяч человек — рекордное на тот момент количество участников подобных мероприятий на протяжении последних лет. Помимо описанных выше причин, толкавших людей на выражение недовольства, были и другие¹. Аудитория этого митинга активно рекрутировалась через социальные сети. Видимо, это и определило преобладавший на митинге контингент — активисты, интеллектуальная публика и молодые люди, московская аудитория Facebook, предварительное разогревание событиями последних дней.

Значительный вклад в мобилизацию помимо организаторов — оппозиционного движения «Солидарность» — внесли действия отдельных граждан. Так, один из респондентов рассказывал, как он по своей инициативе разослал «популярным» в Facebook'е людям (тем, что имеют большое количество друзей и подписчиков) несколько десятков писем, в которых обосновывал значимость предстоящего митинга, просил публично приглашать на него своих друзей и подписчиков. Интересно, что он смог убедить многих, и они откликнулись на предложение. Может быть, их и не нужно было особо уговаривать, так как возбуждение витало в воздухе. Возможно, эта частная кампания, подхваченная другими, помогла за сутки собрать на митинг непривычную по составу и количеству аудиторию: многие завсегдатаи оппозиционных акций говорили, что было непривычно много молодых и незнакомых лиц. В толпе можно было слышать разговоры о том, что участники пришли на политический митинг первый раз в жизни. Привычная акция оппозиции 5 декабря оказалась «захвачена», «оккупирована» гражданами, а рядом с политическими организационными структурами начали складываться различные неформальные кружки соорганизаторов будущих митингов — журналистов и гражданских активистов. Без таких частных инициатив этот

и вскоре последовавшие за ним митинги смогли бы собрать лишь обычных, малочисленных сторонников оппозиции.

Сами организаторы, вероятно, оказались подвержены всеобщей атмосфере возбуждения — можно предположить, что к этому митингу они сами готовились иначе, чем к предыдущим. Значение того, что в центре столицы был заранее подготовлен митинг, согласованный с властями, были установлены сцена и экраны, обеспечен звук, не стоит приуменьшать. Присоединившиеся к протесту граждане добавили содержания — «мяса» — на уже существующий «скелет», разнообразив и во многом видоизменив первоначальные замыслы организаторов. Взаимные действия различных участников усиливали друг друга.

Подготовка митинга на Чистых Прудах представляется моделью, описывающей начальную стадию гражданской мобилизации как совокупность независимых (дискретных), но однонаправленных, дополняющих одно другое действий (и даже мини-кампаний) самостоятельных частных лиц, обладающих наборами различных ресурсов, охваченных общим настроением, общими представлениями, связанных между собой множеством коммуникативных сетей. По мере развития событий действующие лица принимают на себя новые обязательства и этим структурируют общее действие, но не они являются его причиной. При этом распространено «оккупирование» политических мероприятий и структур гражданами, перехват инициативы у оппозиционных политиков: точно так, как в какой-нибудь поездке компания собирается у кого-то в гостиничном номере, при этом хозяина комнаты не выгоняют, но никто и не думает, будто это именно он организовал вечеринку.

Сразу после митинга на Чистых прудах стихийно сложилось в Facebook сообщество по подготовке следующего митинга, которое стало одним из главных источников информации о предстоящем событии: будет ли собрание проходить на площади Революции или на Болотной, согласуют ли новое количество участников и т.д. Создателями этого сообщества снова оказались не политики, а журналисты. Позже оно было переименовано в «Мы были на Болотной и придем ещё»². В итоге социальные сети заняли прочное место среди инструментов мобилизации граждан на массовые мероприятия: на приглашение принять участие в первом митин-

¹ Эти и другие подробности организации и проведения протестных мероприятий в столице удалось установить в результате проведения нескольких десятков углубленных интервью с организаторами и активными участниками московских событий в рамках проекта Левада-Центра «Перспективы гражданского движения». Планируется представить результаты исследования летом 2012 г., в первую очередь на сайте Центра www.levada.ru.

² Мы были на Болотной и придем еще // <http://www.facebook.com/moscow.comes.back>.

ге на Болотной откликнулось около 36 тысяч пользователей Facebook, в декабрьском митинге на проспекте Сахарова — 54 тысячи. Исследователи социальных сетей — Марк Грановеттер, Малколм Гладуэл, Николас Кристакис и Дж. Фоулер — указывали на способность сетей необычайно быстро передавать настроения и информацию, которая распространяется подобно лихорадке, истерике, вирусу¹. Слабых связей, которыми связаны между собой участники социальных сетей, недостаточно для мотивации людей к действию. Видимо, сыграла свою роль та же всеобщая атмосфера недовольства положением вещей, растущая делигитимация режима и, одновременно, возбуждение по поводу результатов выборов. Иными словами, публика уже была готова откликнуться на приглашения, которые рассылались по социальным сетям.

Похоже, всеобщее возбуждение является универсальным условием начала массовых действий, причем события могут развиваться как в сторону мирного гражданского протеста, так и в сторону беспорядков, что демонстрируют не только российские, но и зарубежные примеры². Неожиданно большое количество протестующих, множество новых молодых лиц создали, по словам участников, проинтервьюированных Левада-Центром в ходе упомянутого качественного исследования, атмосферу воодушевления, которая в последующие месяцы охватывала все большее число людей. По словам респондентов, именно возникшее воодушевление стимулировало их участвовать в создании, включаться в работу и менять формат разнообразных объединений, таких как Оргкомитет митингов, Мастерская протестных действий, Лига избирателей, а также различных более мелких кружков и инициативных групп разной степени открытости и взаимопроницаемости, внесших свой вклад в организацию и формирование облика протеста.

В результате возникли как минимум два развивающихся параллельно, взаимодополняющих и перетекающих друг в друга направления: привычный политический протест (митинги, шествия, пикеты) и новые формы гражданского действия (кольца, прогулки, гуляния, «бродячие лагеря»). Для данного анализа важно, что с

самого начала включение большого количества гражданских лиц (журналистов, активистов, писателей и проч.) в мероприятия, которые обычно готовили оппозиционные политики, переопределило и расширило привычную оппозиционную повестку дня. Созданные ad hoc структуры способствовали распространению информации, вовлекали в организацию, проведение, участие новых людей. Так, заседания Оргкомитета транслировались в сети в режиме реального времени и комментировались зрителями, а их комментарии, в свою очередь, рассматривались участниками. Мастерская принципиально была открыта для всех, кто хотел включиться в организацию и проведение мероприятий. Здесь родилась и была реализована идея вынести информацию о митингах как можно дальше за пределы интернета: были изготовлены и разошлись по Москве нескольких десятков тысяч листовок и наклеек, которые, несомненно, сыграли роль в расширении состава участников первого митинга на Болотной площади и последовавших за ним.

Кроме того, перед каждым массовым митингом действия властей лишь увеличивали общественное недовольство, приумножая количество протестующих. Несмотря на многочисленные факты фальсификаций, результаты выборов были объявлены уже 5 декабря — перед митингом на Чистых Прудах. Задержания и административные аресты значительного числа участников этого митинга и несогласованной акции на Триумфальной площади 7 декабря раззадорили пришедших на Болотную площадь³. Оскорбительные реплики В. Путина, сравнившего протестовавших 10 декабря с обезьянами из книги о Маугли, а белые ленты — символ протеста — с «контрацептивами», подхлестнули тех, кто собирался выйти на проспект Сахарова и т.д.

Таким образом, характер мобилизации участников митинга определяло множество различных факторов: сложившиеся заранее социально-политические предпосылки, сам ход избирательной кампании, а также конкретные действия политиков и гражданских активистов, применяемые ими инструменты, сложившиеся ad hoc организационные структуры. Кроме того, на какой-то момент произошло совпадение интересов различных политических

¹ Christakis N., Fowler J.H. Connected: the surprising power of our social networks and how they shape our lives. New York: Little, Brown and Co., 2009; Gladwell M. Small Change // The New Yorker, 2010, 4 October.

² См., например, описание общего климата недовольства, предшествовавшего народным волнениям в Аргентине в 2001 году: Farinetti M. New forms of social mobilization in democratic Argentina // Laboratorium. 2010. Vol.2, no. 3, P. 117.

³ 5 декабря было задержано около 300 человек, принявших участие в несогласованном шествии к ЦИК и Лубянке, которое состоялось после митинга. Многие из задержанных, в том числе Навальный и Яшин, получили до 15 суток административного ареста: Вильф А. Дела Яшина и Навального рассматривает Тверской суд // Lenta.ru от 6 декабря 2012 (<http://lenta.ru/news/2011/12/06/tversud/>).

и социальных групп, обладавших разной мотивацией, но объединившихся в своем неприятии российского режима.

Произошло наложение друг на друга разных видов протестной активности: так называемого стихийного протеста, который является «преимущественно эмоциональной массовой реакцией» на ситуацию¹, и достаточно продуманного, структурированного (пусть тоже развивающегося спонтанно) протеста с политическими требованиями. Представляется, что динамика протестной активности в перспективе будет также зависеть как от внешних факторов (социально-экономическая обстановка, действия власти и проч.), так и от внутренних (насколько быстро будут отслаиваться друг от друга группы с разными интересами, насколько устойчивыми будут сложившиеся организационные структуры и проч.).

Зимние акции в сравнении с протестами предыдущих нескольких лет. В 2005 году против отмены льгот протестовали многие российские города. 2007 год принес громкие трудовые конфликты на автозаводах во Всеволожске (в 7 км от Санкт-Петербурга) и Москве². В 2009-м происходили массовые протесты во Владивостоке и моногородах³, в 2010 году – протесты в Калининграде и Химках, общественные волнения по поводу ДТП на Ленинском проспекте в Москве⁴, масштабные гражданские действия по защите культурного и архитектурного наследия в Санкт-Петербурге⁵ и Москве и др. Большинство этих событий привело к оформлению или укреплению независимых гражданских инициатив – комитетов протестных действий, независимых профсоюзов, общества “синих ведерок”, защитников Химкинского леса, защитников Ялтинского парка (Калининград) и др.

¹ Левада Ю. Восстание слабых // Он же. Ищем человека: Социологические очерки, 2000-2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 134.

² Подробнее см.: Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Три квадрата, 2010.

³ См.: Бизюков П. Динамика трудовых протестов в России (2008–2011) // Вестник общественного мнения, 2011, №2.

⁴ В июле 2010 г. автомобиль вице-президента российской нефтяной компании ЛУКОЙЛ выехал на встречную полосу и столкнулся с машиной, водитель и пассажир которой погибли. Эта авария привела к волне возмущений в социальных сетях, а затем и в СМИ (один из первых таких случаев).

⁵ См., например: Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. // От общественного к публичному: Коллективная монография. / Науч.ред. О.В. Хархордин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Изначально многие из этих и подобных им инициатив не имели политического характера. Да и большое количество выступавших со сцены на московских митингах еще недавно упорно заявляли о том, что они вне политики. Для признания своей политической роли понадобилось, во-первых, понимание того, что достижение их целей невозможно в рамках существующей политической системы, и, во-вторых, неудачный опыт сотрудничества с властью, попытки идти на компромисс и соглашения. Характерен пример Евгении Чириковой, которая неоднократно пыталась сотрудничать с «Единой Россией», чтобы остановить уничтожение Химкинского леса, но безрезультатно. В условиях, когда исполнительная власть подчинила себе законодательную и судебную ветви, устранив тем самым барьеры для коррупционных интересов чиновников федерального и местного уровня, уничтожив легитимный механизм разрешения конфликтов (независимый суд), общественные инициативы, сталкивающиеся с властным произволом, начинают ему сопротивляться. В итоге они либо прекращают свою деятельность, либо (если уровень институционализации позволяет им вести работу в неблагоприятных условиях) политизируются. По результатам исследования мнений руководителей российских некоммерческих организаций и лидеров гражданских инициатив, предпринятого Левада-Центром в конце 2010 года, удалось описать, как происходит такая политизация, и указать на то, что «возникновение конфликтов и невозможность их решения, большая вероятность дальнейшего обострения ситуации обусловлены самой композицией власти, угрожают стабильности политической системы в целом», а также показать, что «велика вероятность повторения всплесков массового недовольства», подобных тем, что проходили в разных частях страны в 2005-2010 годы⁶.

Итак, политизация гражданских инициатив происходит в случае конфликта общественного и коррупционного интереса, то есть по вполне конкретному поводу. Это позволяет уточнить распространенное представление о том, что определенный уровень социально-экономического развития гарантированно приводит «к увеличению численности образованного городского среднего класса», который в свою очередь автоматически «предъявляет спрос на гражданские и политические

⁶ Волков Д. Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик? // Вестник общественного мнения, №2(108), 2011, с. 14.

права и постепенно выходит на политическую арену»¹. По нашему мнению, запрос на политические права возникает не с выходом на новую ступень пирамиды Маслоу. Добиваться этих прав и бороться за них вынуждает: 1) сознание своих вполне конкретных интересов²; 2) понимание невозможности их реализации в рамках существующей политической системы; 3) готовность и способность к организованному коллективному действию, несмотря на риски. (Поэтому от гражданских активистов так часто можно услышать слова о том, что их «выталкивают», «выдавливают», «вынуждают идти» в политику.) Политизация обусловлена не избытком хорошей жизни, а сложностью ее достижения. В успехе такого действия никакой предопределенности нет.

Кроме того, более высокий уровень благосостояния участников митингов означает исчезновение прямой экономической зависимости от власти и бюджетных выплат, наличие свободного времени, а также возможность собирать деньги на конкретные политические проекты от заинтересованных граждан посредством различного рода членских взносов и интернета, готовность бизнеса поддерживать социальные и политические проекты, несмотря на риски и т.д., а значит, речь идет уже о готовности частных граждан жертвовать деньги, о *доверии*. Забегая вперед (это тема отдельного разговора), можно предположить, что в крупных городах постепенно начинает складываться «экономика независимого политического действия»³.

Различные гражданские объединения, склонные к политизации, появляются по всей стране. Представляется, что в столице их концентрация наиболее высока. За последние годы здесь был накоплен определенный опыт проведения общественных кампаний: 1) коллективного гражданского действия (помощь бездомным, отдельные частные инициативы

помощи больным детям, сбор денег в уплату штрафа организаторам выставки «Запретное искусство», объединенные гражданские усилия по тушению пожаров в 2010 году по всей стране); 2) против властного произвола (защита Химкинского леса, действия «Архнадзора», «Синие ведерки», кампания в независимых СМИ и интернете вокруг ситуации с ДТП на Ленинском проспекте); 3) по борьбе с коррупцией (сбор средств, подготовка и распространение доклада «Путин. Коррупция», инициативы Навального); 4) протестные акции («Марши несогласных», «Стратегия 31», «Дни гнева» и др.); 5) творческие публичные акции (перформансы группы «Война», проект «Гражданин Поэт»); 6) разнообразные образовательные и дискуссионные мероприятия (сотни различных открытых семинаров, круглых столов, конференций, в т.ч. по общественно-политической тематике в Центре Сахарова, на Полит.ру, в Мемориале, на Ходорковских чтениях, в «Уличном университете»); 7) совместные мероприятия политиков, журналистов, художников и др. («Антиселигер», «Последняя осень»); 8) объединения политиков, журналистов и общественников по поводу честных выборов (например, «Комитет-2008»); 9) широкие оппозиционные коалиции (Другая Россия, Солидарность); 10) отдельные инициативы и демарши публичных фигур и др.

Соответственно, большинство героев будущих митингов это не набор случайных лиц: все они уже были на виду и взаимодействовали друг с другом – Доктор Лиза, Татьяна Лазарева, Евгения Чирикова, Петр Шкуматов, Алексей Навальный, Илья Яшин, Борис Немцов, Гарри Каспаров, Эдуард Лимонов, Сергей Удальцов, Юрий Шевчук, Артемий Троицкий, Дмитрий Быков, Виктор Шендерович, Сергей Пархоменко, Ольга Романова, Леонид Парфенов и др. За многими из этих имен – сложившиеся (как формальные, так и неформальные) организационные структуры: партии, политические движения, благотворительные фонды, независимые СМИ, гражданские инициативы, кружки, советы, творческие и музыкальные коллективы и т.д. Массовый протест проявил существовавшие связи и ускорил появление новых.

Так, модель зимних протестов просматривается уже, например, в митинге-концерте в поддержку Химкинского леса в августе 2010 года на Пушкинской площади. Тогда тоже несколько тысяч человек, пришедших на площадь, были настроены крайне миролюбиво, а милиция и омоновцы вели себя корректно, однако сделали все, чтобы концерт не состоялся. При подго-

¹ Гельман В. Трещины в стене // Pro et Contra, январь-апрель 2012. С. 96; Гайдар М., Снеговая М. Дремлет притихший северный город // Ведомости. 2012, 3 февраля; Дмитриев М. Власти и общество в условиях политического кризиса // <http://www.csr.ru/2009-04-23-10-40-41/365-2012-05-23-10-54-10> от 24 мая 2012; а также выступление Дмитриева на круглом столе фонда «Либеральная миссия» 4 июля 2012 года.

² Это кажется справедливым как для российских случаев коллективного действия, так и, например, для Афро-американского движения за права человека, см.: Волков Д. Общественное движение как шанс выхода из политического кризиса // Независимая газета от 02 марта 2012 года (http://www.ng.ru/ideas/2012-03-02/5_new_search.html).

³ Это напоминает то, что Вацлав Бенда называл «параллельной экономикой», которая является составной частью его концепции «параллельного полиса». См.: Гавел В. Сила бессильных // Мораль в политике: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. Б.Г. Капустина. — М.: КДУ; МГУ, 2004, с. 287.

товке мероприятия сотрудничали гражданские активисты, политики и музыканты. При этом экологи подняли публично вопрос об общественном благе, а «Солидарность» обеспечивала «административную и техническую поддержку, поскольку ни Шевчук, ни активисты-экологи не были в курсе того, как получают разрешения на митинги, подписываются соглашения, в какие коридоры надо ходить, с кем разговаривать. Известные музыканты — «публичные, успешные, почти гламурные люди» — открыто выступили против властного произвола, отступив «в сторону от государственной кормушки»¹. Вдохновленный атмосферой митинга, Артемий Троицкий объявил 22 августа 2010 года «радостным днем, когда закончились нулевые годы. Закончились годы с нулевой активностью... реально началось новое десятилетие»².

Таким образом, за последние несколько лет был накоплен значительный опыт совместной работы между политиками, гражданскими активистами, журналистами. Большое количество взаимосвязанных гражданских инициатив разной степени институционализации (которые оказались не столь закрытыми, изолированными и «расплывающимися», как одно время представлялось³), их способность к втягиванию в свое поле объединений совершенно разного характера, в том числе националистического толка, к созданию новых объединяющих организационных структур, вероятно, и определили мирное развитие событий, поддерживали активность горожан на протяжении нескольких месяцев. То, что не замечалось или игнорировалось, как раз и предотвратило очередное «возвращение к более примитивным социальным формам»⁴.

Это заставляет вспомнить старый спор о «границах метода». По мнению Т. Ворожейкиной, тот уровень обобщения, «на котором невозможно учесть и проанализировать явления и процессы, которые по каким либо причинам не вписываются в общую теоретическую схему [Л. Гудкова и Б. Дубина]... не только отторгает саму возможность изменений внутри системы, но в ней не поддаются объяснению ни социальные феномены, которые происходят (или могут происходить) на ее периферии»⁵. Но как

¹ Троицкий А. Нулевые кончились // Новая Газета 25 августа 2010 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/2067.html>).

² «Экомитинг-концерт #5 - А. Троицкий о срыве концерта» // http://www.youtube.com/watch?v=E1bL_Mx7AY.

³ Дубин Б. Расплывающиеся острова [2008] // Он же. Классика, после и рядом. М.: Новое литературное обозрение, 2010, с.250-265.

⁴ Гудков Л. Инерция пассивной адаптации.

⁵ Ворожейкина Т. Ценностные установки или границы метода // Вестник общественного мнения, 2008, №4(96), с.67.

раз с «неприметного созревания на периферии» новых гражданских структур, «свободного мышления, независимого творчества и политической деятельности» начинается, по мнению В. Гавела, долгосрочное «спонтанное» и незаметное вращение «независимой жизни общества» в существующие структуры (тоталитарного) государства, меняя его изнутри⁶.

Активное участие в митингах интеллектуальной и творческой элиты поднимает еще один вопрос. Юрий Левада, анализируя волну массовых протестов 2005 года против «монетизации» социальных льгот, указывал на «демонстративное молчание демократов», в то время как по всей стране «в различных выступлениях принимали участие около 200 тысяч человек». Оппозиционные партии и их лидеры, писал социолог, «предпочитали осторожно отмалчиваться, видимо, считая, что это действия «чужого» электората... в таких суждениях можно обнаружить оттенок инфантильного *интеллигентского снобизма* и даже некоторую долю опасений в отношении «низовых» реакций». И далее: «...просвещенная публика, опасаясь разгула массовой стихии, обрекала себя на изоляцию и беспомощность. И оставляла социально слабых (пожилых, пенсионеров, льготников) под влиянием консервативного популизма...», поскольку подготовить, просчитать, разъяснить людям программу решения социальных проблем, «рассчитанную на определенную перспективу, способны — а значит, и обязаны — только грамотные либералы»⁷. Подобную реакцию интеллектуалов можно было часто наблюдать в отношении многих других протестов: членов независимых профсоюзов, обманутых дольщиков, жителей, сопротивляющихся точечной застройке, и проч.⁸

Может быть, в последние месяцы мы наблюдали противоположную картину: на улицы крупных городов выходили состоятельные и образованные граждане, «демократы» и «либералы», которые выдвигали свои абстрактные требования власти, в то время как основная масса населения — большинство, озабоченное совсем другими проблемами — смотрела на них по телевидению. Проблема объединения людей разного социального статуса и разных политических взглядов и интересов в одно общественное движение может оказаться глубже, чем представляется. Возможно ли вообще такое объединение, и на каких основаниях? Или слои

⁶ Гавел В. Сила бессильных. С. 296.

⁷ Левада Ю. Восстание слабых. С. 136

⁸ Об этой проблеме см.: Ворожейкина Т. На эти грабли мы уже наступали // Новая Газета, Выпуск № 26-27 от 12 марта 2012.

и фракции, входящие сегодня частями в общее движение, должны, напротив, определиться и разделиться?

Другая проблема видится в том, что, несмотря на ведущую роль оппозиционных политиков, журналистов и других представителей интеллектуальной элиты в зимних и весенних протестах, программы действий на сколько-нибудь длительную перспективу предложено не было. Этот вопрос требует рассмотрения, однако, за рамками данной статьи.

Тем не менее, зимние события имели по сравнению с 2005 годом уже принципиально иной уровень организации и структуры, интеллектуальной поддержки. Несмотря на атмосферу возбуждения (которая, вероятно, является необходимым условием запуска общественного протеста), это уже не было стихийным протестом, простой эмоциональной реакцией на происходящее, как в 2005 году по всей стране и даже как в 2010 году на Манежной площади¹. Это позволило формулировать политические требования, использовать разные формы коллективного действия, хотя планирование на сколько-нибудь длительную перспективу, видимо, снова не удалось. Характерно, что протестовавших на проспекте Сахарова мы изучаем с помощью опроса, проведенного по заказу организаторов митинга, а на Якиманке, — по результатам исследования, заказанного нашему Центру независимым СМИ.

Также стоит отметить, что на этот раз, как кажется, по-новому сложились взаимоотношения протестующих в столице и в регионах. Например, в 2010 году во время волнений в Калининграде приехавших из столицы Немцова, Яшина и др. восприняли в штыки². В 2012-м оппозиционный «десант» в Астрахани встречали по-другому. Может быть, потому, что на этот раз их участие действительно помогло вывести местный конфликт на федеральный уровень. Возможно, сыграли свою роль инициативы наблюдателей — поездки москвичей в регионы, для того чтобы делиться технологиями и опытом наблюдения, и ответные поездки в столицу — на главные протестные митинги. Но пока это лишь предположения.

С определенностью можно сказать, что активность последних месяцев, видимо, пока что по-прежнему ограничена пределами круп-

ных городов. Это так называемая «Россия-1», в которой живет около одной пятой населения страны³. Описываемые процессы происходят прежде всего здесь, где сложился относительно высокий уровень жизни населения, плотная сеть коммуникаций, конкурентная экономика. В «индустриальной», «сельской» и «национальной» частях идут другие процессы, у населения преобладают другие интересы, они будут по-разному реагировать на возможный экономический кризис. Здесь власть может, скорее, черпать поддержку — и активную, и пассивную. Схема Натальи Зубаревич придает проблеме взаимоотношения большинства и меньшинства, уже неоднократно поднимавшейся в статье, дополнительную сложность и социально-пространственное измерение.

Ускоряющаяся групповая эмансипация. В ответ на действия меньшинства, заявившего о своем неприятии ситуации вокруг выборов и политического режима в целом, власть с опозданием, но все же сумела мобилизовать своих сторонников на «Антиоранжевый митинг» на Поклонной горе в Москве 4 февраля 2011 года, шествие сторонников Путина по Фрунзенской набережной 23 февраля, закончившееся митингом-концертом в Лужниках с участием премьера, и менее масштабные мероприятия в других городах. Эти усилия помогли власти перехватить инициативу у протестующих, четко озвучив мнение молчаливого большинства, задав санкционированное властью отношение к происходящему. Одновременно с этим наметилась еще одно направление массовых акций — «стояние» у храма Христа Спасителя в поддержку церкви и патриарха, подвергшихся «гонениям». На каждом направлении (гражданский и политический протест, иницируемая властью и церковными кругами активность) происходит постепенное освоение доступных инструментов проведения общественных кампаний: молодежные объединения, митинги, открытые письма (в защиту группы «Pussy Riot», С. Бахминой, М. Ходорковского, или напротив, в поддержку «судебной системы»⁴, в защиту церкви и патриарха и проч.), публичные высказывания в прессе по любому, в том числе политическому, поводу⁵ и т. д.

³ Зубаревич Н. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки, 2012, №1.

⁴ Имеется в виду так называемое «письмо 55-ти», утверждающее, что общественная кампания, сопровождающая процесс М.Ходорковского, дискредитирует российское правосудие.

⁵ См. например: Чаплин vs Бондаренко // Новое время (The New Times), 2012, №22, с. 6.

¹ Волков Д. Опасные повороты общественной мобилизации // Ежедневный журнал от 14 июля 2011 (<http://ej.ru/?a=note&id=11177>).

² Об этом говорили респонденты в Калининграде, проинтервьюированные в рамках проекта «Перспективы гражданского общества» в 2010 году

Если добавить сюда все новые попытки оппозиционных политиков (и националистов), гражданских активистов (разнообразные инициативы Алексея Навального, Школы и Совета муниципальных депутатов, региональные проекты Лиги Избирателей и т.д.), правозащитников в Москве, Перми, Саратове и других городах втянуть в свою деятельность все большее число сограждан, то можно сказать, что российский общественно-политический ландшафт становится все более разнообразным. Самюэл Хантингтон, изучавший условия трансформации политических режимов в развивающихся странах в 1960-х гг., указывал: в процессе модернизации “у всех групп, как старых, так и новых, как традиционных, так и современных, усиливается сознание самих себя в качестве групп и своих интересов и притязаний в отношении других групп”, активные действия одного социального слоя по защите своих интересов влекут за собой мобилизацию других частей общества¹. Но зачастую активные слои оказываются сосредоточены в крупных городах, и весьма распространены случаи, когда авторитарный режим контролирует оппозиционно настроенную столицу, опираясь на широкие слои населения за пределами крупных городов. Возможно, мы наблюдаем сегодня в России что-то похожее.

Как показывал Лев Гудков, описывая “природу путинизма”, российский политический режим до сих пор держался не просто на поддержке большинства, но был возможен только при условии пассивности населения². Если предположить, что все новые группы будут до-

бываться признания своих интересов, притом, что универсального, признанного системой механизма учета и согласования их требований и прав не существует, а механизм решения конфликтных ситуаций (независимый суд) не работает, то всякая новая инициатива вынужденно будет политизироваться и бросать вызов всей политической системе.

Если это так, то представительство и согласование групповых интересов, не имевшее особого смысла в 90-е годы (ни в политике, ни в правозащитной сфере), сегодня, в условиях растущей активности людей, оказывается на повестке дня. Протесты, в которых проявилась готовность меньшинства озвучить и защищать свои интересы и представления о будущем, сигнализируют о необходимости приведения политических институтов в соответствие с меняющимися социальными условиями ради сохранения стабильности политической системы в целом. По сути, речь идет о классическом модернизационном вызове, с которым сталкивались многие страны: экономическое и социальное развитие приводит к групповой эмансипации, что в свою очередь требует адаптации политических институтов. Подчеркнем особо, что запрос на демократизацию обусловлен здесь не общественными представлениями (по поводу прав и свобод, «западного» варианта развития, «сильной руки» и проч.), но необходимостью обеспечить политический порядок. В противном случае, как предупреждал Шмуэль Эйзенштадт³, нас ждут хаос или стагнация.

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. - М.: Прогресс-Традиция, 2004, с.55

² Гудков Л. Природа “путинизма” // Вестник общественного мнения, 2009, №3 (101), с.11.

³ Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный запас, 2010, №6.